

УДК 94(470.47)

АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ КАЛМЫКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.: ПРОЦЕССЫ ПЕРЕХОДА К ПОЛУОСЕДЛОМУ ХОЗЯЙСТВУ

Валерий Владимирович Батыров

кандидат исторических наук, доцент

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова,

г. Элиста, Российская Федерация

E-mail: valerabatyrov@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В статье освещаются вопросы преодоления калмыками последствий разрушения системы кочевий после ликвидации Калмыцкого ханства в 1771 г., которые стали причиной массового разорения калмыцких кочевых семей. В XIX в. политика российской администрации была направлена на седентеризацию калмыков, а также на переселение крестьян из губерний Центрально-Черноземного района в Калмыцкую степь, приведшее к сокращению пастбищных территорий, в некоторой степени затруднившее нормальное функционирование традиционной пастбищной системы жизнеобеспечения калмыков. Со второй половины XIX в. калмыцкое население вынужденно стало применять новые адаптационные стратегии для выживания, вырабатывать меры по приспособлению скотоводства к неблагоприятным условиям разразившегося в регионе «земельного голода». Суть данной инновационной стратегии заключалась в переходе к полукочевому скотоводству, в зависимости от географических и этнокультурных факторов. Основными мерами по интенсификации скотоводства у калмыков стали строительство гидротехнических сооружений для добычи грунтовых вод на маршрутах кочевок, строительство специальных укрытий для скота, а также заготовка сена на зимовых местах. Помимо прочего, вышеуказанная адаптационная стратегия сделала невозможным совместное кочевание крупных этнических групп и привела к их дроблению на более мелкие этнические подразделения, чтобы иметь возможность кочевать небольшими родовыми группами на небольшой территории в пределах своего улуса. Вместе с тем все инновации, произошедшие в калмыцком скотоводстве на протяжении второй половины XIX в. в рамках адаптационной стратегии, хоть и помогли выжить калмыцкому народу, но так и не смогли обеспечить стабильное социально-экономическое и хозяйственное развитие. Такая полuosедлая форма скотоводства оказалась уязвима перед любыми стихийными бедствиями в условиях постоянного недостатка водообеспечения и отсутствия доступа к сенокосным угодьям.

Ключевые слова

История Калмыкии, XIX век, скотоводство, традиционное хозяйство, адаптационные стратегии, полуседлое хозяйство.

UDC 94(470.47)

ADAPTATION STRATEGIES OF THE KALMYKS IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: THE PROCESSES OF TRANSITION TO A SEMI-SETTLED ECONOMY

Valery V. Batyrov

Candidate of Historical Sciences, associate professor
Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov
Elista, Russian Federation
E-mail: valerabatyrov@yandex.ru

Abstract

The article highlights the issues of Kalmyks overcoming the consequences of the destruction of the nomadic system after the liquidation of the Kalmyk Khanate in 1771, which caused the massive ruin of Kalmyk nomadic families. In the 19th century, the policy of the Russian administration was aimed at the sedenterization of the Kalmyks, as well as the resettlement of peasants from the provinces of the Central Chernozem region to the Kalmyk steppe, which made it impossible for the traditional pastoral life support system of the Kalmyks to function due to the reduction of pasture territories. Since the second half of the XIX century. The Kalmyk population began to apply new adaptive strategies for survival, which led to the development of measures to adapt cattle breeding to the adverse conditions of "land famine". The essence of this innovative strategy was the transition to semi-nomadic cattle breeding, depending on geographical and ethnocultural factors. The main measures to intensify cattle breeding among the Kalmyks were the construction of hydraulic structures for the extraction of groundwater on the routes of nomads, the construction of shelters for livestock, as well as hay harvesting in winter areas. Among other things, the above-mentioned adaptation strategy made it impossible for large ethnic groups to roam together and led to their fragmentation into smaller ones in order to be able to roam in small tribal groups in a small territory within their ulus. At the same time, all the innovations that occurred in Kalmyk cattle breeding during the second half of the XIX century. as part of the adaptation strategy, although they helped the Kalmyk people survive, they could not ensure its stable development. This semi-sedentary form of cattle breeding turned out to be vulnerable to any natural disasters in conditions of constant lack of water supply and lack of access to hayfields.

Key words

History of Kalmykia, XIX century, cattle breeding, traditional farming, adaptation strategies, semi-sedentary farming.

ВВЕДЕНИЕ

Рассматривая кочевые общества Юга России в XIX в., надо отметить, что в основе системы природопользования у них было кочевое скотоводство. Однако с середины XIX в. способ ведения скотоводства у калмыков, который передавался из поколения в поколение без попыток улучшения методов, перестал отвечать требованиям калмыцкого общества. Подобная ситуация поставила кочевников перед необходимостью предпринять ряд технологических, экономических и поведенческих сдвигов, чтобы приспособиться к окружающей среде в изменившихся социально-хозяйственных условиях, во многом зависящих от географических и этнокультурных факторов.

Калмыцкое общество во второй половине XIX в. стало перед дилеммой поиска новых стратегий выживания. Вполне естественно возникает вопрос, в чем заключалась новая адаптационная стратегия кочевых калмыков, каковы ее особенности и специфика? Целью настоящей статьи является как раз комплексное исследование процесса перехода калмыков от кочевого к полuosедлому хозяйству как основной формы вышеуказанной стратегии выживания. Задачами статьи является рассмотрение гибкости форм и видов стратегии в географических ландшафтах Калмыцкой степи, необходимых для жизнеобеспечения населения, максимального освоения территории и минимизации конкуренции со стороны других скотоводов. Одной из специфик национальной адаптационной стратегии второй половины 19 в. является то, что она вырабатывалась и «отшлифовалась» в условиях нарастающего переселенческого движения крестьян в Калмыцкую степь из других местностей Российской империи.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В работе используются архивные документы по истории хозяйства калмыков из Национального архива Республики Калмыкия, Научного архива Калмыцкого научного центра РАН, Национального музея Республики Калмыкия им. Н.Н. Пальмова и Российского государственного исторического архива (НА РК; НА КалмНЦ РАН; НМ РК; РГИА).

Методология исследования процессов адаптации калмыков разрабатывалась в рамках комплексного подхода, объединяющего несколько научно-исследовательских парадигм, в том числе неозволюционный подход Т. Парсонса. Под адаптацией автор подразумевает любые процессы, направленные на успешное освоение человеком экологических особенностей территории.

ОБСУЖДЕНИЕ

Источниковой базой исследования стали работы дореволюционных советских и современных исследователей, которые рассматривали скотоводство калмыков на протяжении всего XIX в. Так, в конце XVIII в. проф. П. С. Паллас, неоднократно посещавший Калмыцкую степь, дал первую по времени среди отечественных

исследователей наиболее полную оценку животноводства калмыков, привел основные сведения о прежней системе кочевок периода Калмыцкого ханства, заключавшихся главным образом в многокилометровых сезонных переходах, дававших возможность скотоводам максимально эффективно распределять для выращивания скота местные кормовые и водные ресурсы (Паллас, 1809: 481–482). Особенное внимание процессам перехода к полuosедлому скотоводству придавали этнографы, чиновники и путешественники, которые оставили ценные сведения о первых попытках калмыков перейти к новым формам скотоводства (Попов, 1839; Шениан, 1847; Небольсин, 1852; Костенков, 1870; Медведский, 1885; Немирович-Данченко, 1877). В советский и современный периоды исследователи непосредственно обращались к изучению причин кризиса кочевого скотоводства, а также их последствий (Очиров, 1925; Эрдниев, 1970; Команджаев, 1999; Лиджиева, 2016; Бадмаева, Кидирниязов, Магомаев, 2021). Слабым звеном национальной историографии можно считать рассмотрение калмыцкого скотоводства в отрыве от изучения адаптационной стратегии калмыков, которую они использовали для приспособления и выживания в сложных природно-климатических условиях аридных территорий.

РЕЗУЛЬТАТЫ

5 мая 1802 г. Главный Пристав калмыцкого народа, коллежский советник Н. Страхов получил из Государственной коллегии иностранных дел список с грамоты Александра I на утверждение Калмыцкому народу всех дарованных ему прав и преимуществ, а также всех территорий бывшего Калмыцкого ханства (РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 233. Л. 4). Калмыцкое скотоводческое хозяйство, испокон веков развивавшееся на экстенсивной основе, уже к середине XIX в. в результате нехватки обширных кочевых территорий стало переживать не лучшие времена, выразившиеся в экономических трудностях и бедственном положении степного населения. Так, в 1836 г. нойон крупнейшего калмыцкого улуса Д. Тундутов сообщал попечителю калмыцкого народа А. М. Фадееву, что только в его Малодербетовском улусе «третья часть оных (*т.е. калмыков — В. Б.*) не только не имеют никакого скотоводства, но не имеют даже крова и приюта» (НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 7. Л. 31). Калмыцкое общество стало нуждаться в новой стратегии выживания, которая позволила бы адаптировать скотоводство региона не только к сложным природно-климатическим условиям региона, но и к новым неблагоприятным обстоятельствам, обусловленных главным образом нарастанием процесса переселения крестьян из нижеволжских регионов России в Калмыцкую степь. Переселявшиеся крестьяне насильственно захватывали ранее принадлежавшие калмыкам земли, в особенности с богатым травостоем и водными ресурсами. Более того, по указанию властей были по-новому рассчитаны нормы земельного обеспечения калмыков, произвольно нарезаны участки, включавшие в себя пастбища, зимовые стойбища, насаждения, водные ресурсы, т.е. отбирали землю не только годную для устройства селений, но и для развития скотоводства. На захваченных и выделенных землях новоприбывшие крестьяне строили свои поселения, усиленно культивировали земледелие.

Происходило столкновение чуждых друг другу менталитетов, хозяйственных культур. В связи с усилением роста переселенческой деревни в Калмыцкую степь росло напряжение в калмыцком обществе, ухудшалось хозяйственное и экономическое положение степняков. В условиях, когда большинство водных ресурсов, критически важных для аридных территорий, постепенно переходили в руки переселенцев, номады были вынуждены держать большую часть своего скота «на подножном корму». По причине нехватки земельных угодий нередко случались и межнациональные конфликты, ожесточенные споры, говоря современным языком, хозяйствующих субъектов.

«Земельный голод» подтолкнул местных скотоводов к переходу к полукочевому скотоводству. Перейти же полностью на оседлое (стойловое) скотоводство калмыки не могли из-за отсутствия доступа к сенокосным угодьям, вследствие чего животноводы не имели возможности заготавливать необходимое количество кормов для скота на зиму и были вынуждены по-прежнему совершать непродолжительные миграции со скотом в пределах своего улуса. В сложившейся обстановке такие короткие кочевки были единственно возможным условием функционирования калмыцкого скотоводства. Сдерживающими факторами являлись также недостаток водообеспечения, а также трудности с покупкой и доставкой стройматериалов, необходимых для возведения стационарных жилищ для животноводов, кошар, баз для скота на зимовниках.

Известно, что всякий процесс адаптации непрерывен в любое время: в XIX в. главным дестабилизирующим фактором выступило постоянное ограничение территорий калмыцких кочевий. Важным элементом адаптационной стратегии у калмыков была ее многоуровневая организация. Адаптация скотоводства как основы жизнедеятельности осуществлялась одновременно на всех уровнях. Так, важнейшим фактором выживания калмыцкого населения и его хозяйства стало дробление крупных калмыцких родовых групп на более мелкие этнические подразделения, скотоводы которых могли пользоваться кормовыми и водными ресурсами только своего улуса, утратив возможность длительных кочевок по всей территории Калмыцкой степи. В основном по принципу хозяйственной целесообразности, например, Дунду-хурулов род Малодербетовского улуса в XIX в. распался на три отдельные этнические группы (НМ РК. КП 6795/4. Л. 5).

Базовым элементом адаптационной стратегии выживания калмыцкого хозяйства и приспособления скотоводства к сложным природно-климатическим условиям Калмыцкой степи является обеспеченность питьевой водой, которая на территории стала решаться массовым сооружением простейших гидротехнических сооружений для добычи грунтовых вод — худуков (колодцев без сруба), копаней и колодцев. Организация искусственных водоемов была единственным выходом для калмыцких скотоводов. Если раньше они могли свободно передвигаться по территории других улусов, пользоваться водоемами, встречавшимися по пути перекочевков, то с произошедшим по хозяйственной необходимости дроблением этнических групп в калмыцком обществе, им запрещалось поить свой скот, пользуясь водными источниками общего пользования, такими как озера и речушки, зачастую находившимися в пользовании переселенческих деревень и других скотоводческих хозяйств. Так, например,

большую часть степи по левому берегу р. Кума с разрешения нойона Малодербетовского улуса Э. Тундутова захватил помещик А. Ф. Ребров, а остальная часть была заселена «поселянами» Кавказской губернии (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 54).

В Калмыцкой степи в рамках реализации адаптационной стратегии выживания практически каждое скотоводческое хозяйство или группа хозяйств имели собственные искусственные водные источники, из которых поочередно поили своих животных, обычно вначале овец и коз, затем крупный рогатый скот и лошадей. Из сохранившихся архивных источников известно, что население торгутских улусов было первым, кто стал активно заниматься сооружением худуков, копаней и колодцев. Калмыки искали воду у подножия песчаных холмов, где по народным приметам должны были быть водные источники; на выбранном месте рыли глубокие колодцы, которые, если долго не использовались по назначению, под действием постоянных ветров со временем засыпались песком. Вот и приходилось скотоводам в поисках пригодной для животных питьевой воды кочевать по бескрайней степи. Надо сказать, что вода не во всех худуках была хорошего качества, и ее не мог употреблять даже скот, не говоря уже о людях. Укрепить полноценно колодцы калмыки не могли ввиду отсутствия строительного леса, камня, что вынуждало скотоводов постоянно его очищать от наносного мусора и песка, а затем заниматься сменой воды для поения животных.

В Калмыцкой степи колодцы располагались по несколько штук для удовлетворения потребностей большого количества скота вдоль маршрута миграции. Колодцы рылись на разной глубине, в зависимости от дебета воды. По наблюдению царского чиновника П. Медведского, сделанного в 1885 г. в Калмыцкой степи во время поения табуна лошадей, воду из таких колодцев обычно доставали кожаными ведрами, прикрепленными к шесту или привязанными к веревке, затем она «выливается в деревянные желоба, бывает, что вместо них используются неглубокие канавы (Медведский, 1885: 153).

Российская администрация знала о трудозатратах калмыцкого общества по водообеспечению в степи. С целью поддержания скотоводства и традиционного образа жизни калмыцкого народа, в 1880 г. в Калмыцкую степь была направлена экспедиция по орошению Юга России под руководством генерал-майора И. И. Жилинского, которая выполнила значительный объем работ: нивелировку местности на протяжении до 200 верст, произвела во многих местах бурение на глубину до 7 сажень и т.п. В 1881 г. инженерно-технический персонал экспедиции построил оросительную плотину, а затем в последующие годы 39 колодцев и 4 водоудержательных плотин. На все эти работы с 1882 по 1885 гг. было потрачено 55 550 руб. из средств калмыцкого общественного капитала (Лиджиева, 2022: 114–115).

14 августа 1885 г. в Калмыцкую степь по поручению Управления государственными имуществами Астраханской губернии прибыл горный инженер А. И. Дрейер. Ему была поставлена задача повторного изучения вопроса об обводнении калмыцкой степи. Мнение инженера в дальнейшем легло в основу более удешевленного плана Управления калмыцким народом (Далее — УКН) по обводнению Калмыцкой степи в 1888 г. Чиновники УКН отмечали, что скотоводство калмыков «является единственным предметом обогащения», и приходили к выводу о том, что необходимым шагом на этом пути являются мероприятия по обводнению Калмыцкой степи

и орошению лиманов под сенокосы. Увеличение количества сена, как справедливо отмечали чиновники, позволит калмыкам «не только вести свое хозяйство в более широких размерах, но вместе с тем избежать в тех нередких случаях голода, при которых скот гибнет массами, теряет свою упитанность (вследствие недостатка зимнего корма), и следовательно, отбивает у хозяев охоту заботиться об улучшении породы». Ко всему прочему, как считали чиновники, постоянные запасы сена послужат началу будущей оседлости калмыков. В числе основных мер они называли, прежде всего, обводнение с помощью колодцев и запруд территорий, которые не имели собственных водных источников, вследствие чего использовались калмыками только в зимнее время или вообще не использовались. Особенно много таких мест, по их словам, находилось на территории Эркетеневского и Харахусовского улусов. Ими предлагалось орошение лиманов под сенокосы на удобных для этого территориях Восточного склона Ергенинской возвышенности и Юго–Восточной части Калмыцкой степи, при этом чиновники большое значение придавали максимальному удешевлению работ.

Планировалось, что при строительстве деревянных колодцев их глубина будет доводиться до первого водоносного горизонта, а запруды строиться при помощи земляных дамб с напором в 4-5 аршин. При планировании обводнения Калмыцкой степи чиновники опирались на опыт успешного обводнения степи на территории Сарепты, а для удешевления работ планировалось использовать собственного Горного инженера, без привлечения сторонних инженеров Путей Сообщения (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 100. Л. 6). В 1890 г. в рамках выполнения намечаемых мероприятий был куплен на средства общественного калмыцкого капитала бур стоимостью в 218 руб., который должен был использоваться в поиске удобных мест для будущей установки колодцев и худуков. Под руководством горного инженера Алексеева в Малодербетовском улусе были сделаны 16 бурений, из которых только в 4 местах оказалась пригодная питьевая вода (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106. Л. 2об). В 1890 г. калмыками был построен целый ряд сооружений для водоснабжения: 26 колодцев со срубами и 95 худуков (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106. Л. 2об). Согласно отчетам в Калмыцкой степи в 1899 г. было построено 12 запруд, 15 колодцев со срубами и 347 худуков (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 177. Л. 2об). Однако, эпизодичность, отсутствие научного обоснования, постоянное недофинансирование и отсутствие полноценного плана обводнительных работ привели к потере интереса к данной тематике как в российской администрации, так и среди калмыцкого населения.

Роль искусственных источников водообеспечения в Калмыцкой степи особенно выросла, когда в результате массовой крестьянской колонизации в калмыцких улусах стали появляться такие невиданные в здешних местах гидротехнические сооружения, как плотины, которые строили предприимчивые крестьяне. Зачастую подобное строительство приводило к осушению мелких пересыхающих рек, текущих с Ергенинской возвышенности. Так, например, в начале XX в. более 700 калмыцких семей Ики-хурулова рода оказались в сложном экономическом положении после того, как на их территории высохло оз. Батыр, окрестности которого служило для местных животноводов местом зимовки скота и заготовки кормов. Осушение озера не было связано с каким-либо природным воздействием, а имело всецело искусственный характер. Тем, что крестьяне из с. Обильное, самодеятельно, без четкого

научного обоснования и изучения, построили плотину на р. Аршань, в районе балки Нарн-Зельмень, и прекратили поступление воды в озеро (НА РК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1747. Л. 59).

Обеспеченность питьевой водой скота не всегда спасала номадов от падежа животных. Настоящим бедствием для калмыцких скотоводов в зимнее время был часто повторяющийся «зуд» (бескормица), когда обильно выпавший и растаявший снег покрывался наледью, не дававший возможности животным пастись на естественных пастбищах и добывать себе пищу. Однако калмыки смогли адаптироваться к таким суровым природным условиям: на зиму они стали прикочевывать к заранее оборудованным стойловым местам, где кормили скот заготовленным и заскладируемым в предзимний период сеном.

Сенокошение для обеспечения скота кормами в зимний период появляется уже в первой половине XIX в. В 1839 г. А. В. Попов писал, что после 1833 г. многие калмыки в Малодербетовском улусе стали заниматься сенокосами и запасали на зиму корма (Попов, 1839: 24–28). И. Шениан, посетивший в 1846 г. хозяйство нойона Тюменя, отмечал, что на зиму для скота сделаны «огромные запасы сена», причем не только самим владельцем, но и простыми калмыками (Шениан, 1847: 121). Однако, не везде калмыки могли заготавливать корм для скота в достаточном количестве. В 1853 г. чиновники УКН констатировали как устойчивый элемент калмыцкого скотоводства то, что «на зиму калмыки запасают малое количество сена, и строят иногда базы из камыша для лошадей, также сараи из дерна для крупного рогатого скота и овец» (Материалы, 1853: 73). По словам Небольсина, в XIX в. калмыки могли заготавливать на зиму тысячи снопов (Небольсин, 1852: 165). В конце XIX в. сенокошение стало неотъемлемой частью калмыцкого скотоводства и прочно вошло в жизнь калмыка-скотовода.

В качестве корма для скота, кроме сенных трав, с целью рационального использования кормовых ресурсов использовался также и камыш, повсеместно растущий в Эркетеневском, Яндыко-Мочажном и Манычском улусах. Скашивали камыш, преимущественно калмыки без собственного скота на продажу «по цене от 2 до 7 коп. за сноп» (Очиров, 1925: 15). Столь высокая популярность камыша в Калмыцкой степи была связана с тем, что ограниченное количество сенокосных мест сделало сено дорогим товаром. Настолько дорогим, что, как писал заведующий Багацохуровским улусом В. Зварковский в 1902 г., «калмыки предпочитают лишиться половины скота в суровую зиму, чем делать заготовку сена в должном количестве» (НАРК. Ф. 9. Оп. 4. Д. 1271. Л. 23). Цену сена поднимало и то, что жители переселенческих сел успешно занимались скотоводством, составляя конкуренцию калмыкам (НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 18). Надо отметить, что заготовка кормов постепенно стала у калмыков превращаться в вид заработка, а само сено или камыш в товар, который продавался за пределами калмыцких улусов. Так, в 1899 г. неурожай трав привел к тому, что в северной части Малодербетовского улуса не проводился сенокос, а потому калмыки «ничего не выручили от продажи сена посторонним лицам» (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 177. Л. 4). В XIX в. правила пользования сенокосами не были урегулированы нормативными актами, потому лучшими сенокосными угодьями пользовались представители калмыцкой знати, буддийского духовенства и крупных скотоводов из переселенческой деревни, что обуславливало еще более худшие условия для ведения хозяйства простыми скотоводами.

В Калмыцкой степи, несмотря на прочно сложившуюся практику заготовки кормов на зимний период, время от времени наблюдался массовый падеж животных от истощения, от которого страдали даже крупные хозяйства, несмотря на имевшийся доступ к сенокосам. Так, в Малодербетовском улусе многие крупные скотоводы — нойон Тундутов и другие почти каждую зиму были вынуждены продолжать практику кочевок, чтобы переходить на территорию Абганеровых родов, но для них также такие перекочевки были сопряжены с большими трудностями (НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 271. Л. 19). Даже в обычные годы, не отметившиеся крупными экологическими катастрофами, в калмыцких улусах наблюдался значительный падеж скота. Так, в 1890 г. в Калмыцкой степи из 20795 верблюдов пало 564, из 230 609 голов крупного рогатого скота пало 12 637, из 77 635 голов лошадей пало 2 268, из 1 117 442 овец и коз пало 69 061 на общую сумму в 442 501 руб. (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 106. Л. 79). В 1891 г. из 17 262 верблюдов пало 3 473, из 107 032 голов лошадей пало 7 216, из 197 472 голов крупного рогатого скота пало 48 275, из 1 013 377 овец и коз пало 185 134 головы, на общую сумму в 1 293 630 рублей (НА РК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 104).

Инновационные новшества, привнесённые в калмыцкое скотоводство на протяжении второй половины XIX в., все же не смогли обеспечить стабильное развитие основной отрасли сельского хозяйства и экономики степного региона. Скотоводство оказалось уязвимо перед случавшимися форс-мажорными обстоятельствами: стихийными бедствиями и эпизоотиями. В первую очередь страдало скотоводство тех улусов, население которых не имело возможности заниматься сенозаготовками. В 1895 г. в Калмыцкой степи оттепель, а затем ударившие морозы, привели к обледенению пастбищ и массовому падежу скота от истощения. В Харахусовском и Багацохуровском улусах пало около 9/10 всего поголовья скота. Это неизбежно приводило к постепенному отходу калмыцкого населения от занятий скотоводством. В 1875 г., в докладной записке МВД констатировалось, что калмыки в массе уже не являются скотоводами, поскольку только 10% калмыцкого населения Астраханской губернии продолжали заниматься скотоводством (РГИА. Ф. 381. Оп. 16. Д. 21283. Л. 20–30). Калмыцкие семьи с минимальным количеством скота стали покидать свои рода, чтобы работать по найму в соседних крестьянских селах (НМ РК. КП 6795/4. Л. 6). Например, в 1858 г. более трехсот семей южной части Малодербетовского улуса проживало за пределами Калмыцкой степи, в селениях Ставропольской губернии, где нанимались на работу (НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 9–10).

№	Какого рода и зайсанга	Где кочуют и чем занимаются	Число	
			Хотонов	Кибиток
1	Бурулова рода зайсанга Очир Нембуева	При селении Бурнацком для заработков	1	30
2	Того же рода зайсанга Бадмы Корнева	В селении Благодарном для найма в работы	1	15
3	Того же рода зайсанга Манку Ностаева	В селении Чернолесском для заработков	1	21
4	Того же рода зайсанга Шалхин Терменкеева	При селении Покойном для найма в работы	1	32

5	Того же рода и зайсанга	В селе Покойном для заработков	1	29
6	Того же рода зайсанга Эренцен Монтукова	В селении Покойном для заработков	1	28
7	Того же рода зайсанга Санжи Мушаева	При селении Покойном для заработков	1	15
8	Ики-хурул Шабинерова рода	В селении Сотникове для найма в работы	1	32
9	Абганерова рода зайсанга Джап Кутузова	В слободе Бургун–Мажары для работы	1	15
10	Того же рода и зайсанга	В селении Покойном для заработков	1	16
11	Дунду хурула Шабинерова рода	В селении Масловом Куте для заработков	1	15
12	Ики-манлан Шабинерова рода	В селении Томузловке для заработков	1	15
13	Бага-Бурулова рода зайсанга Лакбы Дельтирова	При станице Александрии для найма в работы	1	15
14	Богдан Шабинерова рода	В селении Благодарном	1	15
15	Заключающимся из трех родов: Бухусова, Туктунова и Хашхинова	В селении Прасковье для найма в работы	1	15
16	Того их трех родов: Кетченерова, Кубетова и Хонгурдженкинова	В станице Грушовской для заработков	1	15

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, выработанная в XVII–XVIII вв. система сезонных перекочевов под влиянием политики российской администрации пришла в упадок, что повлекло за собой с начала XIX в. увеличение численности «бескотных» бедных калмыцких семей. Калмыцкое общество со второй половины XIX в. стало применять новые адаптационные стратегии выживания и приспособления скотоводства к суровым и неблагоприятным природно-климатическим условиям, последствиям «земельного голода», связанного с активным процессом переселенческого движения в Калмыцкой степи. Суть стратегии заключалась в переходе калмыцкого хозяйства к полукочевому скотоводству. Одним из ярких последствий новой адаптационной стратегии стало дробление крупных этнических групп калмыцкого народа, вызванное во многом хозяйственной необходимостью. В рамках стратегии калмыцким обществом стали применяться меры по интенсификации скотоводства путем создания гидротехнических сооружений для добывания грунтовых вод на маршрутах кочевов и заготовки сена для скота. Вместе с тем, все инновации, произошедшие в калмыцком скотоводстве на протяжении второй половины XIX в. в рамках адаптационной стратегии, хоть и помогли выжить калмыцкому народу, но так и не смогли обеспечить его стабильное развитие. Полуоседлая форма скотоводства оказалась уязвима

перед любыми стихийными бедствиями. Ключевой и так нерешенной проблемой калмыцкого скотоводства в имперский период стал недостаток водообеспечения и отсутствие доступа к сенокосным угодьям, которые вынудили калмыцкое население заниматься полукочевым хозяйством и не позволили перейти полностью на оседлый образ жизни.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX — середина XX вв.)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Acknowledgments

The work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00313 «Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and factors (XIX — mid XX centuries)», <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

Литература

Бадмаева Е. Н., Кидирниязов Д. С., Магомаев В. Х. (2021). Природно-климатические факторы в хозяйственной деятельности кочевых народов Прикаспийского региона. *Вопросы истории*. 10–2. 223–234.

Команджаев, А. Н. (1999). *Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX — начале XX века: исторический опыт и современность*. Элиста: АПП «Джангар».

Костенков, К. (1870). *Исторические и статистические сведения о калмыках*. СПб.

Лиджиева, И. В. (2016). Защита границ кочевий калмыков Главным попечителем калмыцкого народа В. А. Башкировым (1892–1895 годы). *Новый исторический вестник*. 24–31.

Лиджиева, И. В. (2022). Имперская политика по орошению калмыцкой степи во второй половине XIX–начале XX в. *Известия Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова*. 4 (28). 113–118.

Материалы для хозяйственной статистики России, издаваемые Императорским Вольным Экономическим обществом. (1853). Кн. 1. Санкт-Петербург: Типография Департамента внешней торговли. XI.

Медведский, П. (1885). *Отчет по командировке в 1884 г. главного ветеринараконсультанта Главного управления государственного коннозаводства, магистра ветеринарных наук, действительного статского советника Медведского, старшего чиновника особых поручений того же Управления подполковника Фейхтнера и причисленного к Управлению, магистра агрономии, коллежского асессора Костычева, с целью исследования коневодства киргизов Тургайской и Уральской областей, Внутренней Киргизской Орды и астраханских калмыков* / Сост. П. Медведский. Санкт-Петербург: Типография Месника и Римана.

Национальный архив Республики Калмыкия (далее *НА РК*).

- Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук (далее *НА КалмНЦ РАН*).
Национальный музей Республики Калмыкия им. Н. Н. Пальмова (далее *НМ РК*).
Небольсин, П. И. (1852). *Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса*. СПб.: Типография Карла Крайя.
Немирович-Данченко, В. И. (1877). *По Волге: (очерки и впечатления летней поездки)*. Санкт-Петербург: Издательство Книгопродавца И. Л. Тузова.
Очиров, Н. (1925). *Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 г.* Астрахань: Калмыцкая областная плановая комиссия.
Паллас, П. С. (1809). *Путешествие по разным провинциям Российской империи*. Часть 1. Санкт-Петербург.
Попов, А. В. (1839). Краткие замечания о приволжских калмыках. *Журнал Министерства народного просвещения*. Ч. XXII. Отдел II. СПб.: Типография Императорской Академии наук. С. 17–47.
Российский государственный исторический архив (далее *РГИА*).
Шениан, И. К. (1847). Хозяйство и опыты кн. Тюменева за 1846 г. *Журнал Министерства государственных имуществ*. Ч. XXIV. Отд. III. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, С. 118–132.
Эрдниев, У. Э. (1970). *Калмыки. Историко-этнографические очерки*. Элиста: Калмыцкое книжное издательство.

References

- Badmaeva, E. N., Kidirniyazov, D. S., Magomaev, V. Kh. (2021). Natural and climatic factors in the economic activities of nomadic peoples of the Caspian region. *Questions of history*. 10–2. 223–234 (in Russian).
Komandzhaev, A. N. (1999). *Economy and social relations in Kalmykia at the end of the 19th — beginning of the 20th century: historical experience and modernity*. Elista: APP “Dzhangar” (in Russian).
Kostenkov, K. (1870). *Historical and statistical information about the Kalmyks*. St. Petersburg (in Russian).
Lidzhieva, I. V. (2016). Protection of the borders of Kalmyk nomads by the Chief Trustee of the Kalmyk people V. A. Bashkirov (1892–1895). *New historical bulletin*. 24–31 (in Russian).
Lidzhieva, I. V. (2022). Imperial policy on irrigation of the Kalmyk steppe in the second half of the XIX-early XX century. *Izvestia of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov*. 4 (28). 113–118 (in Russian).
Materials for economic statistics of Russia, published by the Imperial Free Economic Society. (1853). Book. 1. St. Petersburg: Type. Dep. ext. trade, XI.255 p. (in Russian).
Medvedsky, P. (1885). *Report on the trip in 1884 of the chief veterinarian-consultant of the Main Directorate of State Horse Breeding, Master of Veterinary Sciences, Actual State Councilor Medvedsky, senior official of special assignments of the same Directorate, Lieutenant Colonel Feuchtner and assigned to the Directorate, Master of Agronomy, Collegiate Assessor Kostychev, for the purpose of studying horse breeding Kirghiz of the Turgai and Ural regions, the Inner Kyrgyz Horde and Astrakhan Kalmyks* / Comp. P. Medvedsky. SPb.: Type. Mesnick and Riemann (in Russian).
National Archive of the Republic of Kalmykia (*NA RK*) (in Russian).
Scientific archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (*NA Kalmyk Scientific Center RAS*) (in Russian).

National Museum of the Republic of Kalmykia named after. N. N. Palmova. (NM RK) (in Russian).

Nebolsin, P. I. (1852). Essays on the life of the Kalmyks of the Khosheutovsky ulus. St. Petersburg: Printing house Karl Kraja (in Russian).

Nemirovich-Danchenko, V. I. (1877). *Along the Volga: (essays and impressions of a summer trip)*. SPb.: Publishing house. Bookseller I. L. Tuzov (in Russian).

Ochirov, N. (1925), *Astrakhan Kalmyks and their economic condition in 1915*. Astrakhan: Kalmyts. region plan. commission (in Russian).

Pallas, P. S. (1809). *Traveling through different provinces of the Russian Empire*. Part 1. St. Petersburg. Russian State Historical Archive (RGIA) (in Russian).

Popov, A.V. (1839), Brief remarks about the Volga Kalmyks. *Journal of the Ministry of Public Education*. Part XXII. Division II. SPb.: Type. Imp. Academy of Sciences. 17–47 (in Russian).

Shenian, I.K. (1847). Economy and experiments book. Tyumenev for 1846. *Journal of the Ministry of State Property*. Part XXIV. Dept. III. SPb.: Type. Ministry of State Property, pp. 118–132 (in Russian).

Erdniev, W. E. (1970). *Kalmyks. Historical and ethnographic essays*. Elista: Kalm. book publishing house (in Russian).